

Alice was beginning to get very tired of sitting by her sister on the bank, and of having nothing to do: once or twice she had peeped into the book her sister was reading, but it had no pictures or conversations in it, 'and what is the use of a book,' thought Alice 'without pictures or conversations?'

So she was considering in her own mind (as well as she could, for the hot day made her feel very sleepy and stupid), whether the pleasure of making a daisy-chain would be worth the trouble of getting up and picking the daisies, when suddenly a White Rabbit with pink eyes ran close by her.

There was nothing so *very* remarkable in that; nor did Alice think it so *very* much out of the way to hear the Rabbit say to itself, 'Oh dear! Oh dear! I shall be late!' (when she thought it over afterwards, it occurred to her that she ought to have wondered at this, but at the time it all seemed quite natural); but when the Rabbit actually *took a watch out of its waistcoat-pocket*, and looked at it, and then hurried on, Alice started to her feet, for it flashed across her mind that she had never before seen a rabbit with either a waistcoat-pocket, or a watch to take out of it, and burning with curiosity, she ran across the field after it, and fortunately was just in time to see it pop down a large rabbit-hole under the hedge.

In another moment down went Alice after it, never once considering how in the world she was to get out again.

Der Eingang zum Kaninchenbau lief erst geradeaus, wie ein Tunnel und ging dann plötzlich abwärts; ehe Alice noch den Gedanken fassen konnte sich schnell festzuhalten, fühlte sie schon, daß sie fiel, wie es schien, in einen tiefen, tiefen Brunnen.

Entweder mußte der Brunnen sehr tief sein, oder sie fiel sehr langsam; denn sie hatte Zeit genug, sich beim Fallen umzusehen und sich zu wundern, was nun wohl geschehen würde. Zuerst versuchte sie hinunter zu sehen, um zu wissen wohin sie käme, aber es war zu dunkel etwas zu erkennen. Da besah sie die Wände des Brunnens und bemerkte, daß sie mit Küchenschränken und Bücherbrettern bedeckt waren; hier und da erblickte sie Landkarten und Bilder, an Haken aufgehängt. Sie nahm im Vorbeifallen von einem der Bretter ein Töpfchen mit der Aufschrift: »Eingemachte Apfelsinen«, aber zu ihrem großen Verdruß war es leer. Sie wollte es nicht fallen lassen, aus Furcht Jemand unter sich zu tödten; und es gelang ihr, es in einen andern Schrank, an dem sie vorbeikam, zu schieben.

»Nun!« dachte Alice bei sich, »nach einem solchen Fall werde ich mir nichts daraus machen, wenn ich die Treppe hinunter stolpere.

Wie muthig sie mich zu Haus finden werden! Ich würde nicht viel Redens machen, wenn ich selbst von der Dachspitze hinunter fiel!« (Was sehr wahrscheinlich war.)

А она все падала и падала. *Неужели этому не будет конца?*

— Интересно, сколько миль я уже пролетела? — сказала Алиса вслух. — Я, верно, приближаюсь к центру земли. Дайте-ка вспомнить... Это кажется, около четырех тысяч миль вниз.

Видишь ли, Алиса выучила кое-что в этом роде на уроках в классной, и, хоть сейчас был не самый подходящий момент продемонстрировать свои познания — никто ведь ее не слышал, — она не могла удержаться.

— Да так, верно, оно и есть, — продолжала Алиса. — Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?

Сказать по правде, она понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова. Они звучали так важно и внушительно!

Помолчав, она начала снова:

— А не пролечу ли я всю землю *насквозь*? Вот будет смешно! Вылезаю — а люди вниз головой! Как их там зовут?.. Антипатии, кажется...

В глубине души она порадовалась, что в этот миг ее никто не слышит, потому что слово это звучало как-то не так.

— Придется мне у них спросить, как называется их страна. “Простите, сударыня, где я? В Австралии или в Новой Зеландии?”

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить *реверанс* в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

— А она, конечно, подумает, что я страшная невежда! Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись!

А она все падала и падала. Делать нечего—помолчав, Алиса снова заговорила.

— Дина будет меня сегодня весь вечер искать. Ей без меня так скучно!

Диной звали их кошку.

— Надеюсь, они не забудут в полдник налить ей молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя со мной нет. Правда, мышек в воздухе нет, но зато мошек хоть отбавляй! Интересно, едят ли кошки мошек?

Тут Алиса почувствовала, что глаза у нее слипаются. Она сонно бормотала:

— Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у нее получалось:

— Едят ли мошки кошек?

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было все равно, как их ни задать. Она почувствовала, что засыпает. Ей уже снилось, что она

идет об руку с Диной и озабоченно спрашивает ее:

— Признаться, Дина, ты когда-нибудь ела мошек?

Тут раздался страшный треск. Алиса упала на кучу валежника и сухих листьев.

Она ничуть не ушиблась и быстро вскочила на ноги. Взглянула вверх — там было темно. Перед ней тянулся другой коридор, а в конце его мелькнул Белый Кролик. Нельзя было терять ни минуты, и Алиса помчалась за ним следом. Она слышала, как исчезает за поворотом, Кролик произнес:

— Ах, мои усики! Ах, мои уши! Как я опаздываю!

Повернув за угол, Алиса ожидала тут же увидеть Кролика, но его нигде не было. А она очутилась в длинном низком зале, освещенном рядом ламп, свисавших с потолка.

Circum totum atrium erant fores, omnes obseratae; et postquam circuitum fecit utriusque lateris atrii omnesque fores aperire tentavit, Alicia per medium incessit maesta, nam mirabatur quomodo umquam evadere posset.

De improvise invenit mensulam tripodem vitro solido factam; in ea nihil erat praeter clavem auream parvam, qua primo Alicia putavit se posse fores quasdam atrii aperire.

Eheu! Sive machinatio serarum nimis magna, sive clavis nimis parva erat, certo haec nullas fores aperuit.

Cum tamen bis circumiisset, invenit aulaeum humile quod antea non animadverterat. Post hoc erat ianua parva, fere digitos quindecim alta. Clave aurea parvula ad machinationem accommodata, Alicia gaudio maximo eam aptam esse invenit.

Ianua reclusa foramen praebuit in parvum transitum, non multo maiorem quam muris cavum.

Alicia, genibus subnixa, per transitum conspexit hortum multo amoenissimum.

Quantum gestiebat evadere ex illo atrio obscuro et inter flores pureos fontesque frigidos pervagari! Sed ne caput quidem per ianuam protrudere poterat.

‘Etiamsi reapse caput meum transeat,’ puella infelix secum reputabat, ‘id minimo usui sit sine umeris. Utinam me comprimere possem velut telescopium! Id possem, credo, si tantum facere scirem initium.’

Tot vero mira nuper acciderant ut Alicia credere coepisset paucissima re vera fieri non posse.

There seemed to be no use in waiting by the little door, so she went back to the table, half hoping she might find another key on it, or at any rate a book of rules for shutting people up like telescopes: this time she found a little bottle on it, (‘which certainly was not here before,’ said Alice,) and round the neck of the bottle was a paper label, with the words ‘DRINK ME’ beautifully printed on it in large letters.